

Б.П. Миловидов
B.P. Milovidov

**ФРАНЦУЗСКИЕ ПЛЕННЫЕ МЕДИКИ
И РОССИЙСКАЯ ЧУМА**
**FRENCH PRISONER DOCTORS
AND THE RUSSIAN PLAGUE**

Статья посвящена использованию труда военнопленных Великой армии в 1812–1814 годах. В частности, российские власти пытались использовать врачей армии Наполеона в борьбе с эпидемией чумы на юге России. Однако объективные трудности и бюрократические проблемы привели к тому, что успехи оказались минимальными.

The article is devoted to the use of labor of prisoners of war of the great army in 1812–1814. In particular, the Russian authorities tried to use Napoleon's army doctors in the fight against the plague epidemic in southern Russia. However, the objective difficulties and bureaucratic problems resulted that progress has been minimal.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, военнопленные, врачи, труд военнопленных.

Keywords: The Patriotic war of 1812, prisoners of war, doctors, labor of prisoners of war.

Серьезной проблемой, помимо, конечно, вторжения «двунадцати языков», в 1812 г. для России стало распространение в ее южных регионах чумы. Ситуация в эпидемиологическом отношении действительно была сложной, так что Александр I оказался вынужден откомандировать на борьбу с «заразой» бывшего министра внутренних дел князя Алексея Борисовича Куракина, для чего под его руководством при МВД была создана особая комиссия. Во исполнение императорского указа Комитет министров 3 декабря 1812 г. предписал Куракину немедленно отправиться на юг России и предоставил ему в зависимости от обстоятельств в числе прочих мер приостанавливать движение партий рекрут и пленных¹.

В условиях нехватки врачей Куракин попытался использовать для борьбы с эпидемией пленных медиков Великой армии. Очевидно, ему была известна практика привлечения пленных врачей для работы в госпиталях, которая с осени 1812 г. стихийно складывалась в российской армии и позднее получила официальное оформление в виде утвержденных 24 декабря М.И. Кутузовым предложений главного медицинского инспектора по армии Я.В. Виллие².

26 декабря 1812 г. проезжавший через Курск А.Б. Куракин, после личного разговора с гражданским губернатором А.И. Нелидовым о четырех находившихся там за болезнью пленных врачах, направил ему отношение. В нем глава особой комиссии просил начальника губернии одного из наполеоновских медиков, уже выздоровевшего, отправить в Екатеринослав. Для путешествия ему следовало выдать прогонные деньги на две лошади, а также 25 руб. из сумм, оставшихся от неполного комплекта медиков по Курской губернии. Туда же следовало отправить после выздоровления и оставшихся трех пленных врачей, снабдив их одеждой. Куракин просил также доставить в Екатеринослав, где он планировал пробыть некоторое время, и список этих врачей с указанием их имен и званий. Об этом своем распоряжении он обещал сообщить и управляющему Министерством полиции С.К. Вязмитинову³.

В ответ Нелидов, видимо уточнив положение дел, сообщил Куракину, что в Курске из проходившей последней партии пленных оставлены пять лекарей, которые однако «не надежны к скорому выздоровлению». Но в этой же партии, вышедшей накануне из Курска в Воронеж, были и шесть здоровых медиков, из которых пятерых Нелидов обещал вернуть и отправить в назначенное место⁴. В приложенном губернатором списке значились пятеро больных медиков (Стерлан, Ру, Феранд, Обер и Фюрт), а также шестеро здоровых: Франсуа Абреу (Abreu), испанец, *chirurgen-major*; Пьер Бопре (Beaupre), француз, *chirurgen-major*; Луи Марган (Martin), француз, *chirurgen-major*; Жан Тиксадор (Tixador), француз, *chirurgen-major*; Жорж Кальян (Calin), француз, *chirurgen*; Франсуа Манье (Manier, в русских документах часто Маньер), француз, *chirurgen sous-aide*⁵.

Вязмитинова Куракин поставил в известность о своей беседе и переписке с курским губернатором только в отношении от 30 декабря. Глава комиссии по борьбе с эпидемией сообщил управляющему Министерством полиции, что просьба его о присылке пленных медиков связана с нехваткой медицинского персонала и основана на недавнем

распоряжении самого Вязмитинова об откомандировании «таковых же врачей» к херсонскому военному губернатору дюку Э.О. де Ришелье. Куракин просил также, чтоб Вязмитинов и другим губернаторам предписал отправлять к нему на юг пленных врачей⁶. На это Вязмитинов 24 января 1813 г. предоставил Куракину право требовать бывших наполеоновских медиков лишь из губерний, «смежных с местами, сомнительными по заразе», но и то при условии, что там без этих квалифицированных и востребованных пленников можно обойтись. Откомандировать же в распоряжение Куракина вообще всех пленных врачей Вязмитинов отказался, сославшись на то, что по недостатку медиков они «употребляются для пользования военнопленных»⁷.

4 января 1813 г. Куракин в донесении императору указал, что истребованных из Курска пленников он намеривается использовать под надзором российских врачей, а отправку их именно в Екатеринослав объяснил удобством доставлять оттуда в другие места, где возникнет потребность. На первых порах медиков Великой армии глава комиссии планировал распределить в Екатеринославской губернии при карантинах, назначив им содержание наравне с соответствующими российскими чиновниками. В качестве обоснования своих действий Куракин привел уже упомянутое распоряжение Вязмитинова об отправке пленных врачей к херсонскому военному губернатору⁸.

А за два дня до того, 2 января, Куракин перепоручил ожидавшихся из Курска пленных медиков екатеринославскому губернатору К.С. Гладкому, сообщив ему вышеупомянутые условия, на которых их следует использовать. Планы же самого князя к этому времени несколько изменились. Он решил отправиться из Харькова для обозрения кордонов, обеспечивающих Киевскую, Волынскую и Полтавскую губернии от внесения в них заразы, распространившейся в Новороссийском крае и Подольской губернии.

Только 14 января 1813 г., оправдывая задержку непогодой и «великой стужей», Нелидов сообщил об отправлении в Екатеринослав трех врачей: Манье, Тиксадора и Бопре. При них находился служитель Форнера⁹. И лишь 23 января слободско-украинский губернатор И.И. Бахтин сообщил, что они проследовали через Харьков¹⁰. Отметим, что 18 января Бахтин, донося о получении предписания приостановить движение пленных, отчитался перед Министерством полиции, что кроме бригадного генерала Г. Ферье (начальника штаба кроля Неаполитанского) в губернии других пленных нет¹¹. Наконец 28 января вся троица прибыла

в Екатеринослав. Однако использовать пленников в соответствии с предписанием Куракина оказалось невозможно. Как сообщил ему Гладкий, в губернии карантин не было – имелись лишь пограничная цепь, кордоны и караулы и только в двух местах пограничные заставы¹². Прошло еще без малого три недели, прежде чем 17 февраля Куракин предписал екатеринославскому губернатору отправить пленников в Симферополь к таврическому губернатору А.М. Бороздину, выдав каждому прогонные деньги на двух лошадей из сумм, оставшихся от неполного комплекта медицинских чиновников¹³. При этом Бороздину было предписано использовать наполеоновских медиков «для прекращения заразы там, где более надобность того требует», однако не иначе как под «надзором наших врачей». Жалование же каждому из пленников назначалось в 300 руб. годового оклада, т. е. наравне с уездными российскими врачами. Источник финансирования оставался все тот же – суммы, оставшиеся от недостатка комплекта медицинских чиновников¹⁴. 28 марта екатеринославский губернатор сообщил Куракину об отправлении двух врачей в имферополь. Третий (Тиксадор) заболел и его обещали отправить после выздоровления¹⁵. Таким образом, прошло более трех месяцев, прежде, чем привлеченные для противодействия эпидемии врачи (да и то двое из пяти) достигли места новой службы.

Впрочем, они оказались далеко не на переднем крае борьбы с чумой. 4 июля исправляющий должность херсонского гражданского губернатора, узнав «партикулярно», что в Таврической губернии 4 пленных французских лекаря «находятся по благополучию мест, в заразе бывших, без всякого дела», обратился к Куракину с просьбой прислать их в Елисаветградский и Ольвиопольский уезды. Куракин согласился и 10 июля приказал таврическому губернатору направить наполеоновских медиков в Херсон¹⁶. Поскольку исполнение этого приказа затянулось, а эпидемиологическая ситуация требовала быстрого реагирования, то 8 августа Куракин вынужден был обратиться к Бороздину повторно¹⁷. Не дождавшись ответа Куракин 23 августа в третий раз потребовал отправки пленников в Херсон, поскольку без врачей невозможно было исполнить предписание об «освидетельствовании жителей», отчего они несли «напрасную тягость содержания кордона»¹⁸.

Ответ Бороздина на июльское требование Куракина датирован 7 августа. Таврический губернатор сообщил, что врачей к нему было отправлено только трое и что Тиксадор по болезни до Крыма так и не доехал. Написав екатеринославскому губернатору об отправке его прямо

в Херсон, Бороздин отослал туда и истребованного из Феодосийского уезда Ф. Манье. А вот П. Бопре таврический губернатор отдавать отказался, поскольку это был единственный врач на пространстве между «Булганацкой цепью» и Перекопом, а периодически встречавшиеся там случаи различных заболеваний требовали «удостоверения со стороны медицинского чиновника»¹⁹. Ответ Бороздина Куракину очевидно встретился в пути с третьим требованием раздраженного князя, который к тому же оставлять Бопре в Крыму не желал и настаивал на его отправке в Херсон. В отношении к Бороздину от 4 сентября Куракин заявил, что группа врачей, в которую входил Бопре, найдена была им лично в Курске и Вязмитинов разрешил их использовать «единственно по... комиссии о прекращении заразы, следовательно и подлежат они употреблению в тех местах, где зараза существует»²⁰. Специальным отношением от того же 4 сентября к екатеринославскому губернатору князь подтвердил необходимость отправки в Херсон и Тиксадора. Об исполнении этого распоряжения губернатор написал Куракину только 21 сентября, так что не дождавшийся быстрого ответа князь вынужден был 9 октября повторить свое требование²¹. В тот же день, 9 октября, Куракин вновь потребовал от Бороздина отправления в Херсон находящегося в Перекопе П. Бопре, а также констатировал, что Манье так в Херсон и не прибыл. В связи с этим Куракин просил еще раз подтвердить распоряжение о скорейшем его перемещении на новое место²². На все это Бороздин ответил Куракину 27 октября, что по его сведениям Бопре не может отправиться из Бахчисарая по болезни, а Манье выехал в Херсон из Симферополя еще 6 августа²³. А 6 ноября херсонский вице-губернатор сообщил Куракину, что о прибытии в губернию Манье он не был своевременно уведомлен, поскольку в августе находился в отъезде, но теперь, в связи с запросом Бороздина, очевидно инициированным Куракиным, выяснил, что пленник проживает в Херсоне и «занимается разными по медицинской части препоручениями»²⁴.

Медленное исполнение таврическим и екатеринославским губернаторами приказаний Куракина заставило князя 9 октября пожаловаться их непосредственному начальнику херсонскому военному губернатору дюку Ришелье и потребовать, чтобы тот употребил со своей стороны «настояние». При этом Куракин обратил внимание Ришелье на то, что зараза в Крыму прекратилась, а пленные врачи предназначены именно для борьбы с ней. Впрочем, дюк тоже не особо торопился с ответом и лишь 24 октября сообщил, что по его данным Манье и Тиксадор

давно находятся в Херсонской губернии и «занимаются пользованием больных по частым от управляющего губернией каждому назначением». Что же касается Бопре, то Ришелье обещал добиться его отправки из Таврической губернии²⁵. Таким образом, история с перемещением пленнных медиков в Херсон заняла целых три месяца.

Однако едва Куракин получил утешительные сведения от Ришелье, как ситуация вновь переменилась. 11 ноября 1813 г. он обратился к херсонскому военному губернатору, чтобы тот всех троих пленнных медиков немедленно выслал к нему в Тульчин «для употребления их по Бессарабии, где по настоящим обстоятельствам врачи необходимо нужны». Отношения аналогичного содержания Куракин в тот же день направил таврическому губернатору и исправляющему должность херсонского гражданского губернатора²⁶. Впрочем, добиться исполнения нового требования князю оказалось так же сложно, как и предыдущего. Бороздин ответил только 8 декабря, сообщив, что получил предписание о высылке Бопре во время объезда губернии и отдал бахчисарайскому полицмейстеру приказ выполнить его, если врач уже поправился²⁷. Что же касается Тиксадора и Манье, то через день после отправки своего требования об их присылке в Тульчин Куракин получил от херсонского вице-губернатора датированную еще 30 октября просьбу об оставлении одного из них при Киземской карантинной заставе: после ухода со службы находившегося там вольноопределяющегося лекаря срочно нужен был медик для освидетельствования экипажей судов, курсирующих между Одессой и Херсоном. Князь на эту просьбу ответил отказом, заявив, что эту заставу вообще считает ненужной²⁸. 27 ноября Куракин в отношении к исправляющему должность херсонского гражданского губернатора повторил требование о высылке к нему всех направленных им ранее в Херсон врачей (в т. ч. и пленных), поскольку считал положение Херсонской губернии вполне благополучным²⁹. В итоге Тиксадор и Манье были отправлены в Тульчин только 20 декабря, будучи удовлетворены жалованием и кормовыми деньгами по 1 января 1814 г.³⁰

28 декабря прибывшим в Тульчин Тиксадору и Манье Куракин дал предписания отправиться через Могилев-на-Днестре и Кишинев в Измаильский портовый карантин, где явиться в распоряжение его начальника полковника В.И. Полтавцова. К предписаниям прилагались открытые листы на получение лошадей, прогонные деньги врачам предстояло получить в канцелярии самого Куракина³¹. Полтавцов, согласно предписанию Куракина от того же 28 декабря, должен был

оставить одного из пленников в Измаильском карантине, а другого отправить в очистительный комитет. Соответственно служивший в карантине лекарь Т.Е. Любомиров переводился в комитет, учрежденный для прекращения заразы в Измаильском и Томаровском цинутах, служившего же в очистительном комитете главного доктора Вицмана следовало отправить в те же цинуты, туда, где «в медицинских чиновниках настает необходимость». А в случае усиления эпидемии на борьбу с ней, «туда, где будет требовать надобность», позволялось командировать и обоих пленных врачей, и штаб-лекаря Озерецковского³². Одновременно с предписанием Куракин направил Полтавцову и частное письмо о пленных медиках. Князь отметил, что французы в Тульчине произвели на него хорошее впечатление, заслуживают внимания «по хорошей и скромной их нравственности», и просил «отвращать он их замешательства и неприятности», проистекающие от незнания пленными русского языка. Поэтому Куракин советовал употреблять их только по медицинской части и не поручать им «бумажные дела», выполнение которых «вовсе невозможно»³³.

Как следует из донесения Полтавцова, Тиксадор и Манье прибыли в Измаил 18 января 1814 г. Тиксадор по приказу Ришелье тотчас отправился в Килию для «занятий в тамошнем округе», а Манье оставили «для употребления по крепости Измаильской»³⁴. Переведя пленных в бессарабскую область, Куракин обратился 5 января 1814 г. к ее губернатору инженер-генрал-майору И.М. Гартингу с просьбой возвратить ему выданные медикам за три месяца вперед деньги (по 25 руб. в месяц, всего 150 руб. ассигнациями) и впредь выплачивать им жалование из доходов области. Сумма месячного жалования складывалась из 15 руб., положенных врачам как пленным и, добавки, назначенной самим Куракиным³⁵, что в год составляло уже упоминавшиеся 300 руб. ассигнациями. Оба врача весьма ревниво следили за производящимся им содержанием и пожаловались Куракину, что получали по 25 руб. не с 1 февраля 1813 г., а только с 15 сентября (Тиксадор) и с 1 апреля (Манье). В связи с этим князь попросил 5 января 1814 г. екатеринославского губернатора выслать им недостающие суммы³⁶. Однако губернатор пояснил, что когда врачи не употреблялись к своим профессиональным занятиям, содержание им производилось как пленным – по 50 коп. в сутки³⁷.

В Измаиле Манье со временем постарался укрепить свое положение, изъявив желание «быть при очищении, производимом вторым измаильским карантинном», что согласно донесению коллежского со-

ветника Шабельского от 23 марта 1814 г., ему было разрешено³⁸. Более того, Манье потребовал, чтобы таврический гражданский губернатор на основании полученного им указа выдал ему 100 руб. на одежду, о чем Куракин и сообщил Бороздину 16 апреля. Как ясно из ответа Бороздина, речь идет о циркулярном предписании Вязмитинова от 2 октября 1813 г., которое было получено уже после отъезда Манье³⁹. Следует отметить, что в самом тексте предписания речь шла о выдаче пособия на одежду только тем офицерам, которые не имеют способов содержать себя⁴⁰. Однако среди пленнх существовало устойчивое убеждение в том, что по 100 руб. пожаловано всем офицерам. Кроме того, Манье пожаловался на конфликт с доктором Вицманом, в результате чего Куракин предписал Шабельскому взять наполеоновского медика под покровительство «и не допускать делать ему притеснения потому единственно, что он находится пленным»⁴¹. 30 апреля Полтавцов донес Куракину, что Манье, остается в Измаиле «по прекращению заразы... без всякого занятия». Тиксадор в это время по-прежнему находился в Килии⁴².

В связи с этим, а также очевидно с окончанием войны Куракин 20 мая 1814 г. предписал отослать Тиксадора и Манье по выдерживанию карантина в Тульчин, где им предстояло ожидать дальнейших повелений⁴³. Уже 4 июня Гартинг сообщил об их отправке и о выдаче им прогонных денег, а также жалования по 1 июня⁴⁴. А 13 июля Куракин известил Вязмитинова, что Тиксадор и Манье, а также присланный к нему из Воронежа по приказанию самого управляющего Министерством полиции пленный доктор Домирон изъявили желание отправиться во Францию за собственный счет (первые два морем через Одессу, а последний «прямо из Тульчина») и им были выданы соответствующие бумаги для проезда, в т. ч. и разрешение использовать, уплачивая прогоны, почтовых лошадей⁴⁵. В тот же день Куракин попросил исправляющего должность подольского гражданского губернатора выдать вид на проезд во Францию и доктору Домирону⁴⁶. Кроме того, князь обратился к Ришелье за содействием в отправлении Тиксадора и Манье⁴⁷.

Вернемся к судьбе Бопре. К началу 1814 г. он по-прежнему оставался в Таврической губернии и 5 января Бороздин сообщил Куракину, что по сведениям, представленным бахчисарайским полицмейстером И.Д. Ананичем, пленный медик все еще «находится в болезни», которая препятствует его отправлению в путь⁴⁸. Поэтому глава комиссии по борьбе с эпидемией 7 февраля попросил таврического губернатора «приказать почтаще наведываться о положении здоровья его, дабы он

не отклонялся от предназначенной ему службы»⁴⁹. Тем не менее, 19 января, еще очевидно не получив сведений от Бороздина, Куракин пожаловался Вязмитинову на то, с каким трудом ему пришлось добиваться присылки Тиксатора и Манье в Херсонскую губернию, а затем в Бессарабию и что он никак не может дожидаться перевода из Таврической губернии Бопре⁵⁰. На это 16 февраля управляющий Министерством полиции ответил, что предписал таврическому гражданскому губернатору озаботиться освидетельствованием «болезни Бопре» и как только пленный будет в состоянии продолжать путь, отправить его в Бессарабию⁵¹. Только 30 апреля 1814 г. Бороздин сообщил Куракину: врачи установили, что после перенесенной лихорадки пленный французский медик действительно уже семь месяцев болеет «обструкциею в селезенке, которая причинила ему уже большое расслабление, к тому же страдает он и ломотою в руках и ногах от прошедшей зимней кампании в России». Несмотря на это Бороздин настоял на немедленной отправке пленника вместе с сопровождавшим его солдатом Форнера к Куракину, снабдив при этом медика жалованием на основании положения о пленных по 1 мая, прогонными деньгами и необходимыми документами⁵². 1 июля 1814 г. Куракин сообщил исправляющему должность подольского гражданского губернатора, в распоряжение которого был назначен Бопре, что тот изъявил желание отправиться из Феодосийского порта в Марсель. И поскольку пленник ехал, не через пункты, где были учреждены комиссары для приема пленных, то путешествовал за свой счет. Сделать соответствующие распоряжения о репатриации Бопре Куракин предписал в тот же день и Бороздину, сообщив одновременно об этом и Вязмитинову⁵³.

В поле зрения и ведение Куракина попал в самом конце 1813 г. и еще один пленный медик, доктор Бертран. Этот врач, находившийся в Виленской губернии и имевший опыт борьбы с чумой во время Египетского похода Наполеона, обратился к российским властям с предложением воспользоваться его знаниями. 26 ноября 1813 г. виленский гражданский губернатор препроводил его просьбу Вязмитинову, сообщив, что по мнению доктора медицины Иосифа Франка «употребление его может быть весьма полезным»⁵⁴. Но лишь 15 декабря управляющий Министерством полиции предложил Куракину употребить Бертрана «для прекращения существующей ныне заразы в Новороссийском краю или в другом каком месте»⁵⁵. Еще через месяц, 18 января 1814 г. Куракин попросил виленского губернатора А.С. Лавинского отправить пленного медика в Тульчин,⁵⁶

что тот и исполнил 3 марта, снабдив Бертрана прогонными деньгами и жалованием из расчета 1 руб. в сутки, и отметив притом, что служа в качестве медицинского чиновника 1-го класса в Виленском военном госпитале, он получил в сутки 2 руб. 50 коп. медью⁵⁷.

Уезжая из Вильны, Бертран попросил рекомендацию у литовского военного губернатора А.М. Римского-Корсакова, который и написал Куракину 4 марта, что пленный медик в виленских госпиталях «с усердием выполнял свою должность»⁵⁸. Менее чем через три недели, 21 марта 1814 г., Бертран явился в Тульчин. Но в тот же день Куракин сообщил Вязмитинову, что «по благополучному прекращению заразы» в Херсонской и Подольской губерниях и в Бессарабии, «он теперь нигде не может быть употреблен по части прекращения сей болезни». В связи с этим Куракин предложил отправить его в Грузию, «где чума еще свирепствует»⁵⁹.

В ожидании ответа из Петербурга Куракин 24 марта назначил Бертрана (до прибытия ожидавшегося Бопре) карантинным лекарем в Пещанский карантин (Песчанка – местечко Ольгопольского уезда Подольской губернии), сообщив его начальнику А.Ф. Городецкому о «достоинствах и познаниях» пленника. При этом князь просил (по незнанию Бертраном ни русского, ни польского языка), помочь ему в поисках выгодной квартиры и вообще оказывать всякое покровительство⁶⁰. 30 марта французский медик прибыл к месту назначения, причем перед отъездом выпросил у Куракина рекомендацию к Станиславу Ивановичу Павловичу, который и сообщил на следующий день князю, что пленник получил «довольно выгодную» квартиру и в услужение человека, «немного знающего французский язык»⁶¹.

Тем временем Вязмитинов направил 24 апреля Куракину ответ, в котором разрешил везти Бертрана в Грузию, лишь если он сам того захочет. В противном же случае, его следовало препроводить в один из ближайших губернских городов, где он может быть употреблен в госпиталях и больницах, покуда не будет окончательно решен вопрос об участии наполеоновских пленных⁶². Получив этот документ, Куракин 16 мая потребовал прислать Бертрана к нему в Тульчин. Приехавший пленник 21 мая письменно заявил, что по изменившимся обстоятельствам не хочет «отдаляться более от Франции», и попросил оставить его в Подольской или соседних с ней губерниях⁶³. В результате 25 мая Куракин предписал пленнику отправиться в город Умань, где он должен был пользоваться «людей, принадлежащих графине Потоцкой». При этом жалование ему

определялось на основании общего положения о пленных (т. е. с явным нарушением законодательства), о чем в тот же день предписание было дано и киевскому гражданскому губернатору⁶⁴. Однако еще 13 мая киевский губернатор получил предписание Вязмитинова об отправке всех пленнх в Белосток, и Куракин предложил уманскому городничему сообщить Бертрану о том, что в Белосток может ехать и он⁶⁵. Борьба с чумой на просторах Российской империи Бертрану не довелось.

Весьма небольшой кадровый резерв в лице оказавшихся в плену профессиональных военных медиков, эффективно использовать для борьбы с эпидемией российские власти не сумели. Петербургские власти ограничили возможность привлечения врачей, разрешив использовать лишь пленнх медиков, находившихся в прилегающих к районам эпидемии губерниях. Привлечение к этому делу Бертрана шло, в сущности, вразрез с первоначальной позицией С.К. Вязмитинова. А.Б. Куракин, постоянно перемещавшийся по Югу России, не смог организовать правильное взаимодействие с начальниками губерний с целью оперативной переброски кадров на наиболее сложные участки. Губернаторы, желая сохранить в своем распоряжении, дефицитные кадры, препятствовали этому. История Бопре – наглядный тому пример. Да и сам князь Куракин не всегда обладал адекватной информацией о ситуации на местах. Не всегда могли оперативно реагировать на новые распоряжения и начальники губерний, обремененные многочисленными обязанностями и находящиеся в разъездах по подведомственной им территории. Дело осложнялось большими расстояниями и сложностью организации коммуникаций, так что в итоге переброска медиков из одной губернии в другую занимала до трех месяцев. Медлительность чиновников, бюрократизм, межведомственные противоречия являли собой силу, едва ли не более могущественную, чем природная «зараза».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 33. Л. 18–21.

² Французские военнопленные медики на работе в русских военных госпиталях (1813–1814). Из фондов РГВИА. // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 6. М., 2005. С. 144–145; Бумаги, относящиеся до войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 8. М., 1904. С. 331.

³ РГИА Ф. 1300. Оп. 1. Д. 11. Л. 16–17.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же. Л. 24–25.

- ⁷ Там же. Л. 26.
- ⁸ Там же. Л. 27–28.
- ⁹ Там же. Л. 20–21.
- ¹⁰ Там же. Л. 22.
- ¹¹ РГИА Ф. 1282. Оп. 1. Д. 770. Л. 28.
- ¹² РГИА Ф. 1300. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.
- ¹³ Там же. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Л. 35.
- ¹⁵ Там же. Л. 36.
- ¹⁶ Там же. Л. 37–39.
- ¹⁷ Там же. Л. 47.
- ¹⁸ Там же. Л. 48.
- ¹⁹ Там же. Л. 40.
- ²⁰ Там же. Л. 41.
- ²¹ Там же. Л. 42, 43, 49.
- ²² Там же. Л. 99.
- ²³ Там же. Л. 100.
- ²⁴ Там же. Л. 57.
- ²⁵ Там же. Л. 51.
- ²⁶ Там же. Л. 52, 53, 55.
- ²⁷ Там же. Л. 54.
- ²⁸ Там же. Л. 56.
- ²⁹ Там же. Л. 59.
- ³⁰ Там же. Л. 60.
- ³¹ Там же. Л. 61.
- ³² Там же. Л. 62.
- ³³ Там же. Л. 65.
- ³⁴ Там же. Л. 64.
- ³⁵ Там же. Л. 67.
- ³⁶ Там же. Л. 68.
- ³⁷ Там же. Л. 69.
- ³⁸ Там же. Л. 70.
- ³⁹ Там же. Л. 89–90.
- ⁴⁰ Там же. Л. 91–92.
- ⁴¹ Там же. Л. 95.
- ⁴² Там же. Л. 71.
- ⁴³ Там же. Л. 72.
- ⁴⁴ Там же. Л. 73.
- ⁴⁵ Там же. Л. 81–82.
- ⁴⁶ Там же. Л. 87.
- ⁴⁷ Там же. Л. 83.

-
- ⁴⁸ Там же. Л. 101.
⁴⁹ Там же. Л. 104.
⁵⁰ Там же. Л. 96.
⁵¹ Там же. Л. 98.
⁵² Там же. Л. 105.
⁵³ Там же. Л. 85, 107, 108.
⁵⁴ Там же. Л. 110, 111.
⁵⁵ Там же. Л. 109.
⁵⁶ Там же. Л. 112.
⁵⁷ Там же. Л. 113.
⁵⁸ Там же. Л. 118.
⁵⁹ Там же. Л. 115.
⁶⁰ Там же. Л. 117, 120.
⁶¹ Там же. Л. 121, 124, 125.
⁶² Там же. Л. 116.
⁶³ Там же. Л. 126, 128, 136.
⁶⁴ Там же. Л. 132, 134.
⁶⁵ Там же. Л. 135, 138.